

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. Блохина

Августейшие сестры милосердия в годы Первой мировой войны

19 июля 1914 г. Германия объявила войну России. На следующий день раздался призыв Российского царя к народу: «Божиею милостию, Мы Николай второй Император и самодержец Всероссийский, царь Польский, вел. кн. Финляндский и проч. и проч. проч. Объявляем всем верным нашим подданным: следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского Правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрия, Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и, не внемля заверению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и, положение ее среди Великих Держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши Подданные. В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага. С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение. Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое царствования же нашего в двадцатое. Николай¹.

Следующим был Высочайший манифест об объявлении Императором Николаем II войны Австрии, подписанный и опубликованный 26 июля 1914 г.: «Объявляем всем нашим подданным: немного дней тому назад Манифестом нашим оповестили Мы русский народ о войне, объявленной нам Германией. Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России. Силы неприятеля умножаются. Против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенною силою растет навстречу им

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 601. Оп.1. Д. 551. Л. 1–2.

справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает пред врагом вызванная на брань Россия.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни — вместе с нами стали доблестные союзники наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благословит Господь Вседержитель наше и союзное наше оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце.

Дан в С.-Петербурге в 26 день июля в лето от Рождества Христова 1914-е, царствовавшая же нашего в двадцатое. Николай»².

По слову императора вся Россия поднялась на борьбу с врагом. Началась война, названная современниками «Великой войной» или «Второй Отечественной». С первых дней войны царственные представители династии Романовых приняли за организацию лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов. Первой среди них стала государыня императрица Александра Федоровна. За августейшей Романовой следовали представители российских аристократических родов, а также общественные организации: «Всероссийский союз городов», «Всероссийский земский союз помощи раненым и больным воинам» и др.

Государыня императрица Александра Федоровна занялась формированием отрядов санитарных поездов и открытием складов, получивших ее имя, в Петрограде, Москве, Харькове и Одессе. Александра Федоровна была первой, чутким сердцем понявшей, что необходимо нашей армии. В день обращения царя к народу 20 июля 1914 г. последовало августейшее повеление императрицы Александры Федоровны об открытии в Зимнем дворце склада ее Величества. 21 июля состоялось первое совещание назначенных ею лиц. А 23 июля 1914 г., уже после открытия склада, началась его деятельность.

Целью организации склада было «воспособление нуждам находящихся на передовых позициях войсковых частей и лазаретов путем снабжения

их бельем, одеждой, медикаментами, перевязочными средствами, продовольственными продуктами и иными предметами»³, в которых была необходимость. Также был открыт прием пожертвований бельем, деньгами, личным трудом.

Призыв Царицы сразу же нашел живой отклик в сердцах россиян. Со всех сторон направлялись добровольные пожертвования, приходили женщины и девушки, желавшие потрудиться на пользу родных воинов, бьющихся на позициях, сидящих в окопах. Ожили парадные залы Зимнего дворца: здесь застучали швейные машины, замелькали быстрые иголки; отмеривались полотно, холст, марля, изготавливались бинты, чинилось белье, и упакованные увесистые тюки быстро стали наполнять его помещения. Почин царицы сразу же стал известен и вызвал благородное подражание. Во всех слоях общества, в близких и далеких от Петрограда провинциальных городах стали следовать его примеру. По всей России стали открываться мастерские и склады, не было дома, где бы женщины не посвящали несколько часов работы нуждам армии. Кроме склада в Зимнем дворце, императрица Александра Федоровна открыла личный склад в Царскосельском дворце, где она работала со своими дочерьми.

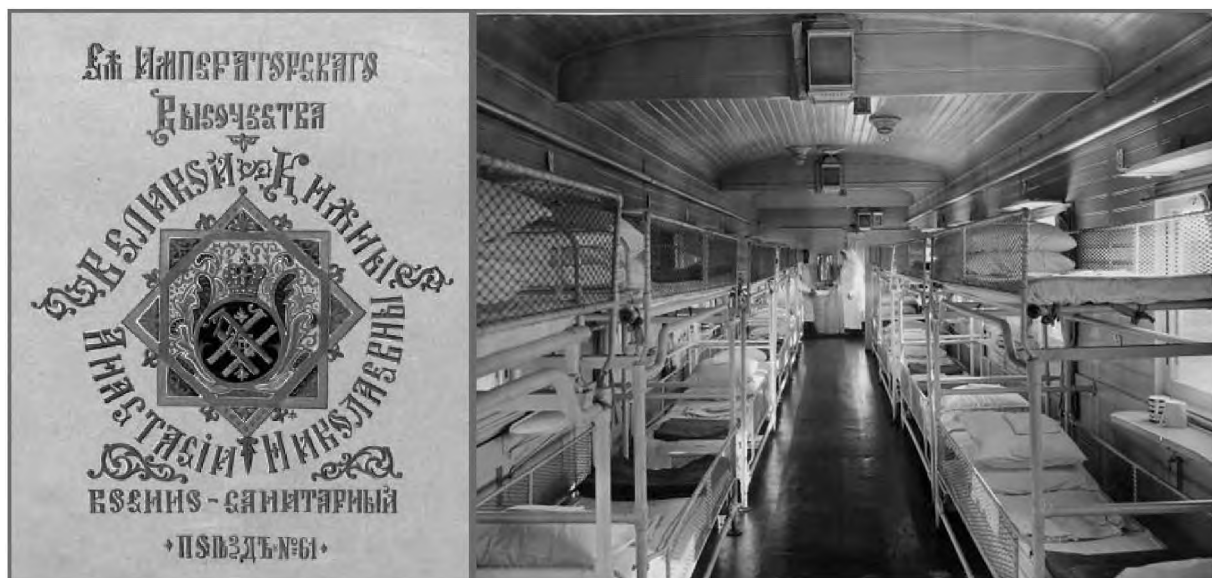
Но деятельность склада была бы не полной, если бы царица не имела возможности посылать собранные и сшитые вещи на дальние и близкие военные позиции. И уже в сентябре 1914 г. она стала заботиться об устройстве поездов-складов. 26 сентября 1914 г. был освящен первый поезд, который вышел из Царского села уже 28 сентября и прибыл на фронт, наполненный посылками для солдат и офицеров. Этот поезд в течение первого года войны совершил 40 поездок, каждый раз привозя все необходимое для солдат, что было собрано для них заботливыми руками царицы.

21 октября 1914 г. был освящен второй такой же поезд, который отправился в дорогу 23 октября и в течение года совершил 35 поездок. «*В настоящее время, — писал в 1916 г. публицист А. Е. Зарин, — такие поезда-склады с необходимыми вещами и подарками отправляются на позиции каждую неделю по два поезда. Вещи для них изготавливались и собирались как в складе ее Величества Зимнего дворца, так и в складе Царскосельского дворца*»⁴. Груз посылался на все фронты, во все армии включи-

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 552. Л. 1.

³ Зарин А. Е. Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. Пг., 1916. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

В вагоне военно-санитарного поезда № 61
великой княжны Татьяны Николаевны

тельно. «Нет солдата, — утверждал А. Е. Зарин, — который не видал бы такого чуда-поезда»⁵.

Входя во все нужды воинов на военных позициях, государыня императрица осознала необходимость наличия для них бани и с этой целью соорудила один за другим два поезда. Главная задача оборудования такого рода поездов состояла в снабжении чистым и обезвреженным бельем войск, находящихся на передовых позициях. «Эти громадные поезда, — отмечает А. Е. Зарин, — оборудованные по последнему слову техники, состоят из паровоза, трех платформ для грузовых автомобилей, вагона-бани, вагона дезинфекционной камеры, вагона электрической станции, вагона кухни-столовой, вагона-чайной, парикмахерской, прачешной, сушильни, склада для чистого белья, двух вагонов с персоналом и двух цистерн»⁶. Поезд был снабжен четырьмя тысячами комплектов чистого белья для выдачи не имеющим белья в бане, причем запас этот всегда пополнялся отделом склада. Вымывшись, воины получали после бани чай с баранками. Указанные поезда ходили по «всему фронту, от отряда к отряду, от полка к полку, вызывая своим появлением общую радость»⁷.

«Вестник Красного Креста» в 1915 г. подробно повествовал на своих страницах о подобных действующих поездах-банных. Так, в Саракамыш для нужд Кавказской армии был отправлен прибывший из Петрограда поезд-бани (или поезд-прачечная) отдела Склада государыни императрицы Александры Федоровны. В данном специализированном поезде в течение суток отпускалось 200 пудов обеззараженного и выстиранного белья, пользоваться банею имели возможность 480 человек, при 20-часовой суточной работе соответствующих приборов оборудования поезда. Поезд состоял из 20 хорошо оборудованных и приспособленных вагонов. В нем имелось два больших котла для воды и один паровоз, служащий исключительно для нагревания воды, вагон-склад для грязного белья и вагон для его дезинфекции. Затем следовали вагоны-прачечные, сушильни, склады чистого белья, кладовые, кухни, чайная, столовая и вагоны для команды и персонала. Стиралось белье машинами. В каждую машину сразу клали до 4-х пудов белья. Для стирки и сушки белья требовался всего один час. Поезд, как передавали «Кубанские ведомости», обслуживали 52 человека. По прибытии на место назначения число персонала увеличивалось вдвое, и поезд мог уже работать кру-

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 7–8.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Поезд-прачечная для Кавказской армии // Вестник Красного Креста (далее — ВКК). 1915. № 4. С. 1366–1367.

глыми сутками. При поезде состояло три автомобиля для доставки с передовых позиций и развозки на них белья⁸. В начале войны семья Государя Императора Николая II поселяется в Александровском дворце Царского Села.

Из Александровского парка железная дорога вела на «Собственную железную ветку». Построены эта ветка и павильон были еще в 1895—1909 гг. Сюда, в «Особый эвакуационный пункт Царскосельского района», с начала войны стали привозить раненых в санитарных поездах, а затем на автомобилях или подводах развозили по госпиталям.

10 августа в Царском Селе состоялось освящение первого в Царском Селе Дворцового лазарета. В центральной части Царского Села, в Екатерининском дворце был открыт склад ее Императорского Величества, снабжавший армию бельем и перевязочными средствами. Для помощи мирному населению, пострадавшему от войны, император учредил «Верховный Совет» под председательством императрицы Александры Федоровны. Государственная деятельность «Верховного Совета» и созданных «Комитетов помощи беженцам и семьям», получивших названия *Татьянинский* и *Ольгинский*, сразу же приобрела широкие размеры и популярность в народе. Комитеты имели отделения во многих российских городах, где они проводили сбор добровольных пожертвований.

Добрый пример императрицы вызвал подражание во всем российском обществе. Например, «жители городов Царского села и Павловска стали предоставлять помещения для раненых, вносить пожертвования для лазаретов деньгами и вещами и помощи раненым стало довольно быстро разрастаться»⁹. 18 августа в Царском Селе было открыто уже 9 лазаретов и один в г. Павловске, 28 августа — лазареты имени их императорских высочеств великих княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны, а также два лазарета имени ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны, 4 сентября в Царском Селе и в Павловске открылось еще 12 лазаретов. Число их быстро росло, и в 1915 г. Царскосельский район насчитывал уже 27 лазаретов. В дальнейшем, с течением времени, судя по воспоминаниям современников, их становится более 80.

И все эти лазареты со всем хозяйством, со всеми заботами о нуждах раненых приняла под

свое покровительство императрица. С первого дня их возникновения Александра Федоровна неусыпно заботилась о них, не пренебрегая каждой мелочью в этом важном деле. Но, к сожалению, деятельность этих лазаретов была стеснена неудобствами доставки раненых через распределительные пункты в Петрограда, в связи с чем в сентябре 1914 г. императрица учредила «Особый эвакуационный пункт Царскосельского района». 7 декабря 1914 г. этот пункт был открыт и началась кипучая работа. К Царскосельскому району был присоединен также Петергоф, Гатчина, Ораниенбаум и Луга со всем уездом. Всем им покровительствовала императрица Александра Федоровна. Началась ее великая страда. А. А. Вырубова в своих воспоминаниях упоминает о созданном «Особом эвакуационном пункте», в который входило около 85 лазаретов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Саблине, Луге и других местах. Обслуживали эти лазареты около 10 санитарных поездов ее имени и имени детей¹⁰.

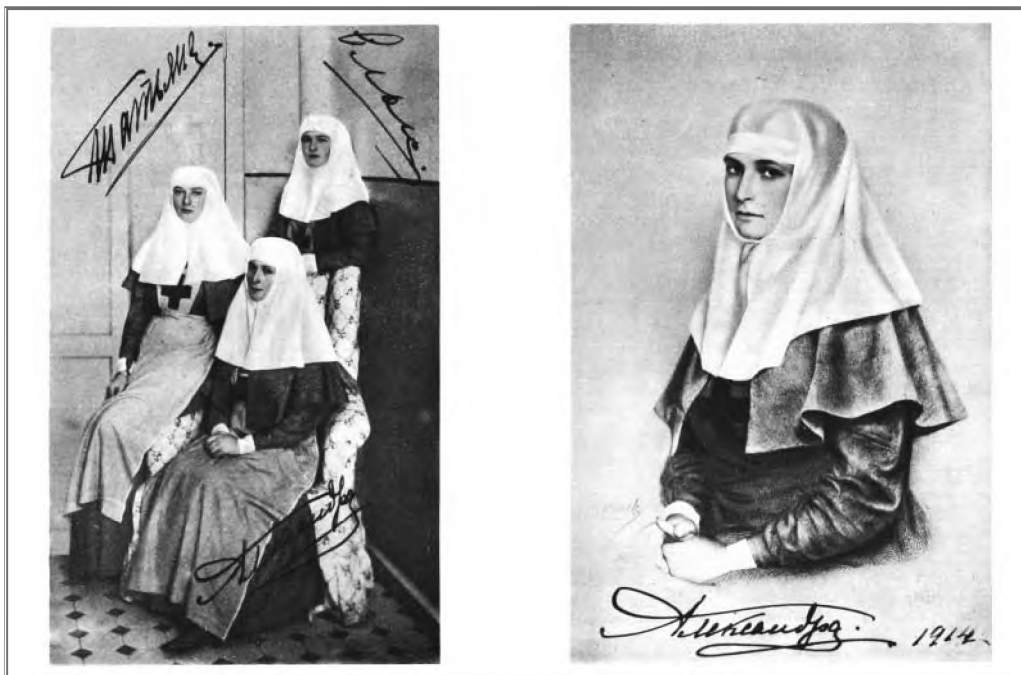
Труды императрицы умножались. Внимательно следила она за работами в открытых ею учреждениях. Пять ее собственных поездов шли на фронт, развозя вещи. Каждый поезд она обозревала лично. В 1915 г. по инициативе императрицы Александры Федоровны на фронт были доставлены полевые церкви. Ввиду того, что население местностей, на территории которых велись военные действия, исповедовало католическую веру, там было мало православных церквей. Священники выезжали на фронт вместе с полевыми церквями. Их присутствие служило большой духовной поддержкой умирающим солдатам, которые могли в этом случае исповедаться перед смертью.

Одновременно с организацией деятельности складов и санитарных поездов уже в начале августа 1914 г. Александра Федоровна решила оборудовать «Царскосельский дворцовый лазарет» — первый небольшой лазарет, ставший началом большого дела помощи больным и раненым воинам, которое развернулось в скором времени.

Императрица заботилась об эвакуации раненых, о размещении их по лазаретам. Ее контроль за этим продолжался вплоть до того времени, пока проблема размещения раненых не была успешно решена. К назначенному времени прибытия поезда к Императорскому павильону со всех сторон съезжались автомобили и экипажи. Для

⁹ Зарин А. Е. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2006. С. 75–77.

Императрица Александра Федоровна

переноса раненых использовался труд лазаретных санитаров. Начинаясь бережная разгрузка вагонов и, наконец, — распределение раненых по лазаретам. Раненых нужно было транспортировать не только из дальних и ближайших лазаретов, но и прямо с полей сражений. С этой целью царицей были снаряжены летучие санитарные колонны и десять санитарных поездов, помимо специальных «вагонов-лазаретов», которые постоянно курсировали между Царском Селом и всеми фронтами действующей армии. Нередко транспорт посылался «Царицей куда-нибудь, в дальний госпиталь за одним затосковавшим раненым, пославшим письмо Царице»¹¹. Вагон-лазарет был приспособлен для перевозки со всеми удобствами 30 раненых. В нем была кухня, склад для белья, запас провизии и запас перевязочных материалов¹². Появилась возможность брать раненых из таких мест, куда военно-санитарный поезд не мог быть пропущен, прежде всего, из-за загруженности железнодорожных путей. Отдельный же вагон-лазарет всегда мог быть прицеплен к любому проходящему поезду, и, не занимая много места, был способен выполнять свою специальную задачу, как по раздаче необходимых вещей

солдатам, находящимся на позициях, так и в деле эвакуации раненых.

Офицер лейб-гвардии Преображенского полка Сергей Николаевич Вильчковский (1871—1934), помощник начальника Царскосельского Дворцового управления, главный уполномоченный Красного Креста по всем учреждениям Царского Села, Павловска и окрестностей, был председателем «Царскосельского эвакуационного комитета» и курировал работу госпитальных поездов царствующей семьи, предназначенных для эвакуации. Поезд состоял из «двух вагонов, цейхгауза (вещевого и аптечно-перевязочного), одного вагона для классных чинов (в нем же — столовая и канцелярия), одного вагона-кухни, одного вагона-аптеки (в нем, кроме аптеки, помещалась ванна, и было купе для двух сестер милосердия) и двух вагонов для тяжелораненых с кроватями-носилками на 24 человека каждый»¹³.

Заведывание всем делом помощи раненым войнам в Царскосельском районе было возложено на особый комитет. Он состоял из председателя обер-гофмейстерины статс-дамы Е. А. Нарышкиной и членов комитета: лейб-медика Его Величества Е. С. Боткина, уполномоченного Крас-

¹¹ Зарин А. Е. Указ соч. С. 8–9.

¹² Там же.

¹³ Скорбный ангел. М., 2006. С. 209.

ного Креста по Царскосельскому району полковника С. Н. Вильчковского, помощника уполномоченного старшего врача лазарета доктора медицины кн. В. И. Гедройц, кн. О. К. Орловой, гр. Апраксина, ген. Бушена, а также членов-докладчиков по делам каждого лазарета в отдельности.

Идея, положенная в основание деятельности всех лазаретов, заключалась в том, чтобы можно было принять целиком санитарный поезд имени Его Высочества Наследника Цесаревича. Распределение раненых по лазаретам шло ежедневно своим ходом. Раненые с поезда имени Наследника Цесаревича отправлялись в наиболее оборудованные (рентгеновскими, электро-терапевтическими кабинетами и проч.) лазареты. Из них, по мере выздоравливания, раненые переводились в лазареты санаториального типа и уже затем — в слабосильные команды¹⁴. Доставка раненых с этого поезда и все перевозки между лазаретами осуществлялись силами императорского гаража, а также некоторых частных лиц, предоставлявших свои автомобили в распоряжение Красного Креста. В лазареты Царскосельского района попадали те нижние чины и офицеры, которые принадлежали либо к частям Царскосельского, Павловского и Петергофского гарнизонов, либо к армейским частям, где члены августейшей семьи состояли шефами. И, наконец, сюда же доставлялись нижние чины и офицеры из наиболее отдаленных гарнизонов, по обстоятельствам оказавшиеся в Петрограде.

Самые крупные лазареты, расположенные в Царскосельском районе, помимо операционных, имели еще специальные кабинеты. Так, лазареты дворцовый и местный, а также общины имени государыни императрицы Александры Федоровны при «Доме призрения» имели рентгеновские кабинеты. В дворцовом лазарете был оборудован кабинет электротерапии. Лазарет при Кокоревском доме, где помещались главным образом контуженные, был снабжен кабинетом массажа и электротерапии. Для раненых, получивших ранения уха, горла и носа был предназначен артиллерийский лазарет.

Благодаря такому распределению по специальностям имелась возможность еще до перевода раненых в лазареты санаториального типа размещать их в соответствующие лазареты. Павловские лазареты, составляющие отдел Царскосельского

района, находились под покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны, они были открыты частью ее попечительством, частью заботой земства и частных лиц.

Постоянными консультантами при лазаретах Царскосельского района состояли лейб-медик его величества Е. С. Боткин, доктор И. А. Эберман и доктор медицины кн. В. И. Гедройц. В случае необходимости приглашались лучшие специалисты из Петрограда. Медицинский персонал Царскосельского дворцового лазарета, включал в себя старшего врача, доктора медицины княжну В. И. Гедройц, проработавшую всю русско-японскую кампанию на передовых позициях и ординаторов — доктора Э. К. Реймерса, доктора Г. А. Бельского, врачей В. П. Исаева и С. И. Петрикина и студента А. И. Аудера¹⁵.

Царскосельский дворцовый лазарет, в котором работали августейшие сестры милосердия, занимал лишь часть огромного здания Царскосельского госпиталя дворцового ведомства. По приказанию государыни императрицы из этого госпиталя были выделены специально выстроенный барак, первоначально предназначенный для заразных больных, и две верхних

¹⁴ ВКК. 1914. № 9. С. 664.

¹⁵ Там же. С. 665.

палаты в главном здании госпиталя (с улицы). Барак состоял из двух отделений (№ 1 и № 2) и верхней палаты (№ 3 и № 4). Всего дворцовый лазарет мог вместить 29 офицеров и 121 представителя нижних чинов.

Уже при первом посещении Царскосельского дворцового лазарета для Александры Федоровны стала очевидной необходимость получения профессиональных навыков ухода за ранеными. В сентябре месяце 1914 г. вместе со своими дочерьми она приступила к слушанию курса лекций, посвященных сестринскому делу.

Первое посещение императрицей и великими княжнами Ольгой и Татьяной выстроенного барака произошло 9 августа. Появление их было неожиданным для персонала. Императрица внимательно осмотрела палаты и служебные комнаты, а также сделала распоряжение относительно должности старшего врача лазарета. Им стала хирург княжна В. И. Гедройц. Ей было поручено прочесть для императрицы и ее дочерей необходимые лекции по хирургии, десмургии и дать необходимые пояснения по уходу за ранеными в объеме «Программы для сестер милосердия». Лекции начались со следующего же дня, в часы, «которые благоугодно было Ея Величеству назначить, и с тех пор лекции происходят аккуратно, — сперва каждый день по полтора–два часа в день, а через определенное время, когда Августейшими сестрами милосердия получена основательная теоретическая и практическая подготовка, — по три раза в неделю»¹⁶.

Со дня открытия лазарета августейшие сестры милосердия ежедневно самым аккуратным образом с 10 часов утра и до 13 часов дня (иногда и позже) посещали лазарет, слушали лекции, собственноручно делали перевязки раненым воинам, присутствовали при операциях, помогали медицинскому персоналу, ухаживали за больными, утешали их, входя во все мельчайшие нужды этого медицинского заведения¹⁷. Свидетели тех событий единодушны в оценке серьезности отношения императрицы и ее дочерей к выбранной ими стезе.

Один из офицеров, находившихся в лазарете, так описывал труды государыни-императрицы Александры Федоровны: «Приняв нас под свое высокое покровительство, Государыня Императрица лично измеряла нам температуру,

пульс и дыхание, лично забинтовывала нам наши раны и делала нам перевязки»¹⁸. По воспоминаниям А. А. Вырубовой: «Чтобы лучше руководить деятельностью лазаретов, Императрица решила лично пройти курс сестер милосердия военного времени с двумя старшими великими княжнами и со мной. Преподавательницей Государыня выбрала княжну Гедройц, женщину-хирурга, заведовавшую Дворцовым госпиталем. Два часа в день занимались с ней и для практики поступили рядовыми хирургическими сестрами в первый оборудованный лазарет при Дворцовом госпитале, дабы не думали, что занятие это было игрой, и тотчас же приступили к работе — перевязкам, часто тяжелораненых»¹⁹.

Печатью глубокого осознания важности совершаемого труда была отмечена вся деятельность в лазарете августейших сестер милосердия. Они присутствовали при операциях, не исключая даже самых сложных и мучительных, при этом императрица исполняла обязанности хирургической сестры, подавая оператору все необходимые хирургические инструменты, а великие княжны — перевязочный материал (бинты, марлю и проч.).

По желанию императрицы Александры Федоровны великие княжны начали свою работу в Царскосельском дворцовом лазарете первоначально с нижними чинами. Из их дневников видно, что помимо своей повседневной деятельности в качестве хирургических сестер они регулярно занимались черновой работой в операционной, прежде всего чисткой хирургических инструментов, т.е. выполняя то, что в лазарете обычно делали рядовые сестры милосердия. Если требовалось, то они перестилали чистым бельем постели, меняли нательное белье раненым.

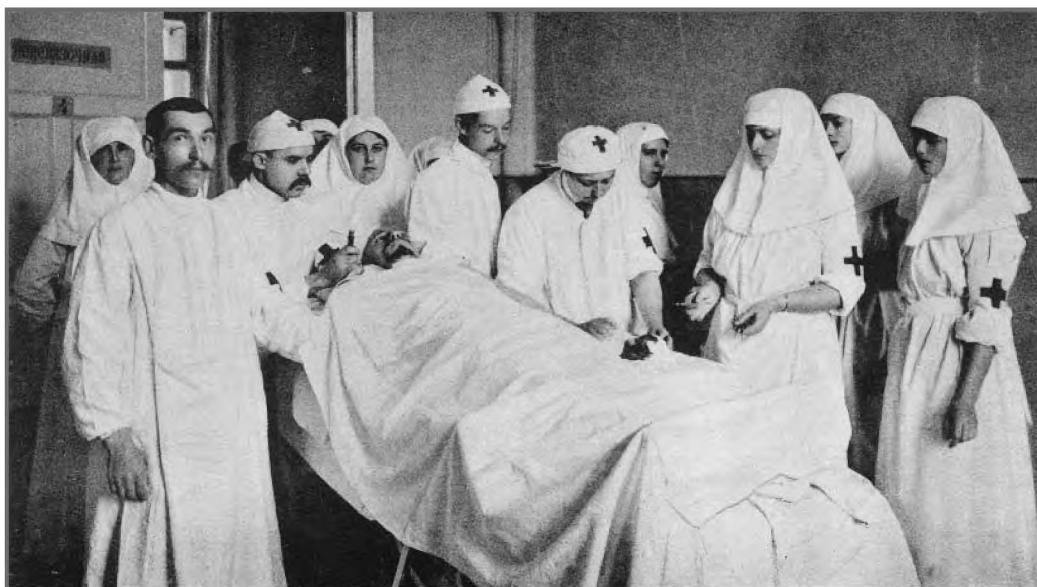
В воспоминаниях С. Я. Офросимовой сохранились такие свидетельства: «С горячим восхищением и уважением смотрели все в первые дни войны на женщин в белых косынках, с крестами на груди; все чаще и многочисленнее мелькали эти косынки на улицах и в домах. И вот в таких же косынках сестер милосердия увидела я старших Великих Княжон в мой первый приезд в Царское Село после объявления войны. Полтора года тому назад я оставила их еще беспечными веселыми девочками и вдруг увидела двух совершенно выросших молодых девушек.

¹⁶ Там же. С. 665–666.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Зарин А. Е. Указ соч. С. 10.

¹⁹ Верная Богу, Царю и Отечеству. С. 75–76.

Гедройц В. И.

Я была поражена переменой, в них происшедшей. Больше всего меня поразило сосредоточенное углубленное выражение их немного похудевших и побледневших лиц. В их глазах было совсем новое выражение, и я поняла, что со дня войны для них началась новая жизнь. Я заглянула в себя и поняла, что она началась и для меня, что мы уже не дети, что мы выросли одним сильным и тяжелым толчком»²⁰.

«Вестник Красного Креста» тех лет отмечал: «Своим внимательным опытным серьезным отношением к делу Государыня Императрица подает лучший пример всем остальным сестрам милосердия. Перевязки, — решительно всю работу хирургической сестры милосердия, — Ея Величество вместе с Великими Княжнами совершает в простоте любящего христианского сердца. И те несколько часов, которые проводят в лазарете Августейшие сестры милосердия, положительно являются счастливейшими часами в повседневной жизни раненых воинов, вселяя в их души бодрость, надежду на выздоровление, глубокую сердечную признательность»²¹. Весь медицинский персонал лазарета был свидетелем того душевного подъема, который испытывали раненые, за которыми ухаживали августейшие сестры милосердия. А ведь это в значительной мере ускоряло процесс их выздоровления.

Будучи свидетельницей трудов царицы и царевен хирург В. И. Гедройц написала 20 августа 1914 г. в своем дневнике: «Ежедневно черное ландо с тремя Сестрами Милосердия скользило по заросшим зеленью улицам мирного городка, останавливаясь то перед одним, то перед другим лазаретом. Мне часто приходилось ездить вместе и при всех осмотрах отмечать серьезное вдумчивое отношение всех Трех к делу Милосердия. Оно было именно глубокое. Они не играли в сестер, как это мне приходилось потом неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого слова»²².

Княжна Вера Игнатьевна Гедройц, хирург Царскосельского дворцового лазарета, была хорошо знакома императрице Александре Федоровне еще со времен русско-японской войны. Для чтения лекций и проведения занятий она ежедневно приезжала в Александровский дворец. Княжна так описала в своем дневнике (27 августа 1914 г.) начало обучения: «Началось мое чтение лекций в Александровском дворце, — хочу написать подробно как все это было в первый день, чтобы выяснить свои собственные впечатления и воспоминания. Условлено было, что читать я буду от 6 до 7 вечера ежедневно и ездить буду просто в собственном экипаже, а не в придворном. У меня в ту пору была

²⁰ Августейшие сестры милосердия. М., 2006. С. 289.

²¹ ВКК. 1914. № 9. С. 663.

²² Скорбный ангел. М., 2006. С. 235.

маленькая умная крестьянская лошадка, называемая Сашка, запряженная в дрожки с длинными оглоблями; она имела очень непрезентабельный вид. Немудрено поэтому, что когда мой милый Сашка, скакавший где-то в конце оглобель, кучер Яков, гордый тем, что едет во Дворец, и, наконец, я, в английском костюме, мужской шляпе, с разборным анатомическим манекеном и хирургическими чертежами, появились перед решеткой мирно дремавшего в своем величии Дворца, то околоточный надзиратель отказался нас пропустить. Только после длительного разговора по телефону, ворота открылись и Яков, растопырив локти и потрясая синими новыми вожжами, подъехал к левому крыльцу, на котором ожидал великолепный в своей неподвижности швейцар с булавой, мешавшей ему подтащить мой хирургический груз»²³.

Следует отметить, что уход за ранеными в Царскосельском дворцовом лазарете был ежедневным. Августейшие особы ничем не отличались от тех сестер, кто наравне с ними оканчивал сестринские курсы в военное время. Находившийся в этом лазарете солдат-доброволец И. Степанов в своих воспоминаниях обратил внимание на каждодневный характер сестринских трудов императрицы. «Свой Царскосельский дворцовый лазарет она посещала ежедневно, — писал солдат, — За два с половиной месяца моего пребывания в лазарете она ни разу не пропустила, если не считать поездок по провинциальным и прифронтовым городам. Утром в лазарете все время на ногах, днем объезды госпиталей Царского и столицы. Вечером она слушала курсы сестер милосердия, где преподавала Гедройц»²⁴.

Доктор медицины В. И. Гедройц так писала о сестринском деле в книге, вышедшей в Петрограде в 1914 г. под названием: «Хирургические беседы доктора медицины В. Гедройц. Для сестер милосердия и фельдшеров»: «Вдумайтесь, как много требует это звание. Кто может, кто достоин назвать себя милосердным и самое точное исполнение долга есть ли истинное милосердие? И в него нельзя вносить личных желаний, гордости, себялюбия. Большое око и любовь, одна любовь сливает сестру со страждущим, дает ей силы переносить несправедливые упреки, требования и капризы, дает силы и

вносит прекрасное в тяжелую, незаметно и бесконечно полезную работу сестер милосердия»²⁵.

В этой книге известный специалист обращалась в молодым сестрам милосердия, вступившим на путь служения раненым воинам в суровую военную годину: «Хирургия не допускает небрежности, помните это, когда выйдете на самостоятельную работу, каждая ваша оплошность может стоить жизни больному и поэтому относитесь к важным высоким обязанностям с твердостью и устойчивостью, возводя асептику в культ, которой все мы должны поклоняться»²⁶.

Императрица Александра Федоровна регулярно отправляла письма на фронт своему мужу — императору Николаю II, рассказывая о своей работе в Царскосельском госпитале (лазарете). В этих письмах мы находим сведения о сделанных ею перевязках, об изменениях в состоянии здоровья ее подопечных, потрясениях, вызванных смертью тех, кто стал за короткое время ей дорог, к кому она успела не просто привыкнуть, а искренне привязаться и полюбить от всего сердца как мать.

Замечательные ее слова сохранились в этой переписке от 21 октября 1914 г.: «Я подавила слезы, поспешила уехать в лазарет и усердно проработала там в течение двух часов, были тяжелораненные. В первый раз побрила солдату ногу возле и кругом раны, — сегодня все время работала одна, без сестры и врача, одна только княжна (хирург лазарета княжна В. И. Гедройц) подходила к каждому солдату, смотрела, что с ним. Я у нее справлялась, правильно ли то, что я намеревалась делать... И вообще сколько горя кругом! Слава Богу за то, что мы, по крайней мере, имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим и можем им дать чувство домашнего уюта в их одиночестве. Так хочется согреть и поддержать этих храбрецов, и заменить им их близких, не имеющих возможности находиться около них!».

Письма передают горести и радости той новой повседневности, в которой оказалась царская семья в эти годы. 21 октября 1914 г. императрица пишет: «Отсюда мы отправились осматривать маленький пещерный храм, находя-

²³ Там же. С. 235–236.

²⁴ Августейшие сестры милосердия. С. 297.

²⁵ Хирургические беседы доктора медицины В. Гедройц. Для сестер милосердия и фельдшеров. Пг., 1914. С. 5.

²⁶ Там же. С. 20.

13

щийся под старым дворцовым госпиталем, здесь была церковь во времена Екатерины»²⁷. Следующее письмо из Царского Села от 25 октября 1914 г.: «Я так рада, что княжна и Цейдлер решили, что незачем оперировать Шестерикова и Руднева, можно не извлекать пуль у них, — это более безопасно, так как эти пули очень глубоко сидят и не причиняют им никаких болей. Оба в восторге от этого, снова прогуливаются и были сегодня на освящении маленькой церкви!»²⁸ 27 октября 1914 г. императрица горько сетует: «О эта ужасная война!... мысли о чужих страданиях и массе пролитой крови терзают душу, и лишь вера, надежда и упование на Божие безграничное милосердие и справедливость является единственной поддержкой... Трудно постигнуть смысл жизни — так и надо, „потерпи“ — вот все, что можно сказать, так хотелось бы вновь вернуться к былым спокойным,

счастливым дням. Но нам придется долго ждать, пока опять наступят мирные во всех отношениях времена. Не хорошо поддаваться настроению, но подчас бремя становится тяжким. Оно нависло над всей страной, а тебе приходится нести на своих плечах львиную долю его. Мне так хотелось бы облегчить твои тяготы, помочь нести их...»²⁹. В письмах от 19 и 20 ноября 1914 г. звучит уже нота сосредоточенности на новых обстоятельствах жизни: «На этот раз у нас много очень тяжело раненых... некоторые из этих раненых были взяты германцами. А четыре дня спустя наши их вновь отбили. Бог мой, какие ужасные раны! Боюсь, что некоторые из них обречены, — но я рада, что они у нас и что мы, по крайней мере, можем сделать все от нас зависящее, чтобы помочь им»³⁰. «Сегодня утром присутствовала (я, по обыкновению конечно, подавала инструменты, Ольга подавала нитки и иголки) при нашей первой большой ампутации (рука были отнята

у самого плеча). Затем мы все занимались перевязками (в нашем маленьком лазарете), а позже очень сложные перевязки в большом лазарете. Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами»³¹.

Дневниковая запись Татьяны Николаевны от 24 октября 1914 г. характеризует обычный порядок рядового дня, когда им приходилось втроем с самого раннего утра до позднего вечера трудиться на благо раненых: «Утром был урок, затем зайдя в церковь в лазарете участвовала в операции, перевязке... У меня было заседание (Татьянинский комитет. — Н.Б.) от 2:15 до 3:45 в Зимнем. Потом с Изой (Буксгевден Софья Карловна. — Н.Б.) поехала в Крестовоздвиженскую общину, где встретилась с мамой и Ольгой. Вернулись в 5:30. Был урок. Княжна была». В дневнике великой княжны Ольги Николаевны этот же день был раскрыт более лаконично, но с некоторыми деталями,

²⁷ Августейшие сестры милосердия. М., 2006. С. 36.

²⁸ Переписка Николая и Александры Романовых: 1914–1915. М., 1923. Т. III. С. 39.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Августейшие сестры милосердия М., 2006. С. 52.

³¹ Там же. С. 55.

подробнее. Она упоминает, что «ездила с Мама в город в склады, потом в Крестовоздвиженскую общину — 116 раненых. У Татьяны комитет»³².

Сердечное отношение императрицы проявлялось даже в разных мелочах, напрямую не касающихся ухода за ранеными. Она подумала о том, как радостно и дорого должно быть свидание для раненого воина со своими родными. В целях облегчения страданий людей императрица решила отвести в Царскосельском дворце для приезжающих родственников раненых — жен, матерей, сестер — «гостеприимное пристанище с полным обеспечением жизни и всеми удобствами»³³.

Время теоретического и практического обучения будущих августейших сестер милосердия прошло незаметно. Наступила пора выпускных экзаменов. Граф Владимир Шуленбург отмечал: «...Ее Величество и две старшие Великие Княжны проходили ускоренный курс милосердия и когда почувствовали Себя вполне готовыми, просили сделать Им экзамен... Когда Ее Величество сдала экзамен, Она просила разрешить Ей задавать вопросы экзаменуемым Великим Княжнам... Меня, — свидетельствовала императрица Александра Федоровна, — к сожалению, может быть, не экзаменовали так, как я того хотела бы, но зато дочерям я задавала самые трудные вопросы. Я-то, ведь, знала, в чем они были слабее...»³⁴. В Вестнике Красного креста за 1914 г. мы находим еще одно подтверждение факта состоявшихся экзаменов. Высочайшие гости «будучи встречены председательницей общины княгиней Путятиной, заведующей курсами баронессой Врангель и врачами, во главе со старшим врачом-хирургом княжной Гедройц... проследовали в церковь. Здесь же находилась статс-дама Нарышкина, начальник Царскосельского Дворцового управления генерал-майор кн. Путятин и уполномоченный Царскосельского района Красного

Великая княжна Ольга Николаевна

Креста полковник Вельчковский. По окончании молебна Государыня Императрица соизволила милостиво принять поднесенное Ея Императорскому Величеству свидетельство об окончании курса по уходу за ранеными. Такие же свидетельства были поднесены и Великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Затем...состоялась раздача свидетельств об окончании курсов сестер милосердия 45-ти слушательницам их».³⁵

А. А. Вырубова так описывает это событие: «Выдержав экзамен, императрица и дети, наряду с другими сестрами, окончившими курс, получили красные кресты и аттестаты на звание сестер милосердия военного времени. По этому случаю был молебен в церкви общины, после которого императрица и великие княжны подошли во главе сестер получить из рук начальницы Красный Крест и аттестат. Аттестаты им были выданы начальницей Царскосельской Общины княгиней Путятиной, ее Величество была очень взволнована, когда княгиня Путятин (от

³² Там же. С. 42–43.

³³ Зарин А. Е. Указ. соч. С. 11.

³⁴ Шуленбург В., граф. «Моя обязанность быть там, где страдают» // Скорбный ангел. М., 2010. С. 218.

³⁵ ВКК за 1914 год. № 10. С. 971–972.

нее я это и знаю) накалывала ей нагрудный знак Красного Креста. Так строго относилась ее Величество к званию сестры милосердия»³⁶. Со слов А. Вырубовой, императрица была счастлива: «Думаю, никогда я не видела ее более счастливой, чем в тот день, когда она, после двух месяцев интенсивного обучения, шествовала во главе процессии сестер милосердия для получения Красного Креста и диплома военной медицинской сестры»³⁷.

Редкий пример в нашей истории, когда царственная особа слушала лекции вместе со своими подданными, а потом сдавала экзамен на звание сестры милосердия. Уже получив удостоверение, надев белую косынку и передник с нагрудным знаком Красного Креста, Александра Федоровна пришла в свой дворцовый лазарет не как царица, а как сестра милосердия, готовая для всякой работы³⁸.

О том, что непосредственная работа в госпитале занимала постоянно большую часть мыслей императрицы, можно судить по ее письмам к принцессе Баттенбергской. Вот цитата из одного из них. Из письма видно, что учебу приходилось сочетать с многочисленными поездками по российским госпиталям: «С моими старшими девочками я была с однодневным визитом в Пскове (частным образом); мы приезжали туда в качестве сестер милосердия, чтобы з позднее в Двинске — мы вместе посещали госпитали.

Великие княжны Ольга и Татьяна с двумя неизвестными

В следующий раз мы хотим объехать еще больше городов. Это нелегкая работа, но я чувствую себя увереннее, когда на мне платье сестры милосердия. Мы одеваемся так в те поездки, которые совершаем без Ники. Мы успешно сдали наши экзамены и получили

³⁶ Скорбный ангел... С. 218.

³⁷ Монахиня Нектария (Нея). Свет Невечерний. Жизнь Александры Феодоровны Романовой, последней Всероссийской императрицы. М., 1996. С. 104.

³⁸ К сожалению, вплоть до сегодняшнего дня в публикациях встречаются не просто неточности, но и досадные непонимания употребляемых терминов. Так, например, в 2013 г. вышли в свет «Дневники императора Николая II» (1905–1913), где в предисловии ко второму тому (авт. С. Мироненко и З. Перегудова) говорится: «Она (имеется в виду императрица) и ее дочери не только посещали раненых, но работали в качестве медсестер и как простые санитарки». Вот здесь и нужно указать, что императрица Александра Федоровна — августейшая сестра милосердия, после получения профессионального медицинского образования и участвуя, как помощница в серьезных оперативных вмешательствах, никак не могла быть «медсестрой и простой санитаркой». Кроме того, сестру милосердия отличало *бескорыстное служение* больному, что в глазах общества считалось святым подвигом. В то время как деятельность медсестры (особенно в советское время) была обычной *работой* у постели больного.

*Красный Крест на передники, а также сертификаты сестер милосердия военного времени. Мы испытали большое волнение на заключительной церемонии вместе с другими сестрами (40 человек), которые также успешно закончили свой курс, затем был молебен в моей церкви Красного Креста. Мы продолжаем посещать лекции о различных болезнях, медикаментах, анатомии и т. д., что кажется нам интересным и полезным. Мы по-прежнему каждое утро ходим на работу в госпиталь, и каждую неделю сюда прибывает поезд с новыми ранеными*³⁹.

Сочетание учебы и поездок, постоянная практика — в целом повышали профессиональное мастерство августейшей сестры милосердия. Как ни странно может прозвучать для работников нынешней медицинской науки и практики, но в понятие «профессиональная сестра милосердия» входило сердечное, милосердное отношение к больным. Свидетельство фрейлины С. Я. Офросимовой еще раз подтверждает это: «Но не только своими посещениями, своей лаской и участием облегчали Великие Княжны раненым их тяжелые дни. Две старшие Великие Княжны были настоящими, окончившими курс, сестрами милосердия»⁴⁰.

Императрица Александра Федоровна и ее дочери старались всегда присутствовать в сестринской общине Царского Села при проводившихся там очередных выпусках сестер военного времени. Так, 21 февраля 1915 г. в Царскосельской общине сестер милосердия Красного Креста закончились краткосрочные курсы по уходу за больными и ранеными воинами. Об этом сохранилось следующее свидетельство: «К началу молебствия в домовую при общине церковь изволила прибыть Ея Величество Государыня императрица Александра Федоровна с Августейшими дочерьми великими княжнами Ольгою Николаевною и Татианою Николаевною. По окончании молебствия государыня императрица удостоила слушательниц собственноручной раздачей свидетельств об окончании курсов»⁴¹.

Находившийся в Царскосельском лазарете на лечении солдат И. В. Степанов писал о том, что когда императрица с дочерьми закончили курсы

на звание сестер милосердия, «они нашили кресты на передники и видимо гордились этим отличием»⁴². Несомненно, что эта форма обязывала августейших сестер милосердия быть на высоте своего призвания. Всем трем было чрезвычайно важно: как носить форму, как завязывать косынку? Сестринская косынка, в их понятии, была скорее большой головной плат, который закрывал не только лоб (скрывавший волосы сестры) но и шею, спускаясь широкими складками на плечи.

Публицист А. Е. Зарин так писал о внешнем облике сестер милосердия: «Доставлен раненый в лазарет и его встречает Сама Царица в скромном костюме сестры милосердия. В простодушии солдат не узнает царственных черт Царицына лица и кличет Ее „сестрицей“, но каждый сразу отличает Ее заботливую внимательность... Лежит раненый в лазарете и каждодневно видит царственную сестру и не раз она подходит к нему и кладет ему на голову руку и говорит ему ласковые слова, доходящие до сердца»⁴³.

Императрица являла образец милосердного, сестринского поведения по отношению раненым, а ведь были нередки случаи, когда ее современницы — сестры милосердия военного времени — выказывали своеволие, не придерживались требуемых традицией милосердия правил. Это не оставалось без внимания как со стороны раненых, находящихся в то время в госпитальных лазаретах, так и со стороны сестер.

Солдат И. В. Степанов вспоминал, что императрица старалась и в других поддерживать строгое отношение к одежде сестры милосердия: «Косынки они носили по правилам гигиены, тщательно пряча волосы. Одна из дам случайно или из кокетства выпустила прядь волос. „Отчего вы не хотите носить косынку, как носит сестра Романова?“ — ласково заметила ей Императрица»⁴⁴. Сохранившиеся фотографии являются свидетельствами того, что императрица с дочерьми последовательно шли по пути традиционного соблюдения норм ношения форменной сестринской одежды.

Здесь следует сделать некоторое отступление. Еще в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. вышел в свет циркуляр «О правилах ношения сестрам передников с нашитым на груди

³⁹ Там же.

⁴⁰ Августейшие сестры милосердия ... С. 290.

⁴¹ Выпуск сестер милосердия // ВКК. 1915. № 2. С. 895.

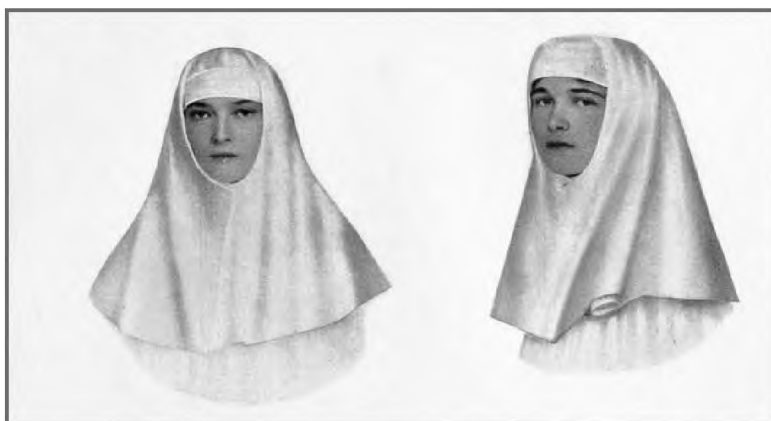
⁴² Степанов И. Указ соч. С. 50.

⁴³ Зарин А. Е. Указ. соч. С. 23.

⁴⁴ Степанов И. Указ соч. С. 50.

Красным Крестом» от 16 июля 1879 г. за № 3219, где было сказано: «Главное Управление в ноябре прошлого года просило местные учреждения принять меры, чтобы сестры Красного Креста, окончившие службу по Обществу, не носили передников с нашитыми на груди Красным Крестом. Несмотря на это, подобные случаи, насколько известно Главному Управлению, повторяются. В виду прекращения, Главное Управление покорнейше просит Управление и Комитеты обратить особенно строгое внимание, чтобы сестры, не состоящие ныне на службе, отнюдь не носили бы передники с Красным Крестом; равным образом, это не должно быть допущено вне служебных обязанностей для сестер, пользующихся этим званием в настоящее время, о чем следует войти в сношение с местною административной властью»⁴⁵.

Согласно § 54 «Нормального устава Общин РОКК» (утвержден 3 мая 1903 г.), сестры милосердия должны были носить одежду, состоящую из шерстяного или холстинкового платья коричневого или серого цвета, имея на переднике отличительный знак своего звания — нашитый на нагруднике знак Красного Креста. Находясь при исполнении служебных обязанностей, они носили на левой руке белую нарукавную повязку со знаком Красного Креста. На улице (при сопровождении раненых) нарукавная повязка надевалась на верхнее платье или пальто. Указанную в ст. 1 форму имели право носить лишь лица, удостоенные звания сестер милосердия РОКК, принадлежащие к одной из общин сестер милосердия, а

1,3

⁴⁵ Циркуляры Главного Управления Российского Общества Красного Креста за 1879 г. СПб., 1880. С. 36–37.

состоящая в запасе сестра милосердия получала право ношения формы только при ее утверждении на действительную службу.

Форма сестер милосердия в Российской империи была строгой, деловой, рациональной, гармоничной. Эстетика костюма была продумана удивительно точно, для верного восприятия облика русских сестер милосердия. Костюм русских сестер милосердия — это пласт отечественной медицинской культуры. Сложившись под влиянием русского традиционного костюма, форма сестер милосердия всегда несла и высокую содержательную смысловую нагрузку.

Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. также наблюдались случаи нарушения правил в ношении форменной сестринской одежды. Комиссия Главного управления Общества Красного Креста на заседании 31 августа 1905 г. поднимала этот вопрос в отношении сестер милосердия, возвращающихся с Дальнего Востока. Сестрам-волонтеркам из провинции предлагалось немедленно снять форму сестер милосердия согласно циркуляру Исполнительной комиссии Главного управления Красного Креста⁴⁶. Во время Первой мировой войны такие случаи возобновились. Великая княгиня Ольга Александровна очень точно рисует характерную картину военного времени, когда на улицах российских городов стали появляться «лже-сестры милосердия», гуляющие в костюмах сестер милосердия: «Здесь все почти одеты фантастическими сестрами — и меня сердят все эти дуры пародирующие на улицах. Опять будет то же — что в ту войну (русско-японскую. — Н.Б.) было — когда дамы — которые хотели забавляться — одевались сестрами. В одно время даже гимназистки в коротких юбках ходили здесь в косынках, развивавшихся за ними, и с красным крестом на рукаве!»⁴⁷. Как известно, «лже-сестры» посещали в этой форме общественные места: театры, кинематограф, рестораны, украшали себя бижутерией.

Вполне понятно, почему Главное Управление РОКК неоднократно выступало на страницах Вестника Красного Креста против подобного демонстративного фрондирования общепринятыми правилами РОКК лицами женского пола. На его страницах не раз печатались «Правила ношения формы сестрами милосердия и лицами женского санитарного персонала РОКК» (Утверж-

дены Главным управлением РОКК 24 марта 1915 г. и дополнены 26 октября 1915 г.). Дополнения 26 октября 1915 г. были следующими: «*Сестры милосердия, ученицы и лица иных соответствующих им разрядов, состоящие в общинах Российского Общества Красного Креста или к этим общинам причисленные, а также лица женского санитарного персонала, допущенные к уходу за ранеными и больными и для несения хозяйственных обязанностей в лечебных учреждениях Общества или принятых под его флаг Всероссийского Земского и Городского Союзов и иных организаций, не должны: за исключением случаев командирования для сопровождения воинских команд, посещать в присвоенной им форменной одежде театры, кинематографы, концерты и всякого рода другие публичные увеселения и зрелища, а также, за исключением случаев явной необходимости, рестораны, обеденные залы при гостиницах и им подобные учреждения*».

Сестры милосердия (ученицы) не должны были, как было указано в дополнении к «Правилам»: «*Носить неполную форменную одежду или искажать таковую принадлежностями одеяния, не соответствующими строгому облику сестры милосердия*»⁴⁸.

На страницах «Вестника Красного Креста» неоднократно печатались материалы, свидетельствующие о том, что, несмотря на таковые запрещения на улицах городов продолжали появляться лица, одетые в несоответствующую нормам форму сестер милосердия. Украшения бижутерией, узорчатыми чулками и т.д. лишь усугубляли эти отступления от традиционных норм.

В «Вестнике Красного Креста» в связи с этим было зафиксировано следующее обращение к «Окружным и местным управлениям, местным комитетам, и попечительным Советам Общин сестер милосердия и главноуполномоченным Российского Общества Красного Креста»⁴⁹. 3 января 1916 г. был опубликован документ «О правилах ношения формы сестрами милосердия и лицами женского санитарного персонала РОКК», где было указано: «Главное Управление РОКК имеет честь препроводить местным органам Общества Красного Креста для сведения и неуклонного руководства утвержденные им 24 марта 1915 г. и дополненные 26 октября того же

⁴⁶ Вестник РОКК. 1905. № 35. С. 520.

⁴⁷ Августейшие сестры милосердия ... С. 261.

⁴⁸ ВКК. 1916. № 2. С. 446.

⁴⁹ Там же С. 443.

года „Правила для ношения формы сестрами милосердия и лицами женского санитарного персонала РОКК“. Подписал: Председатель Главного Управления РОКК Гофмейстер А. Ильин. Скрепил: начальник Канцелярии А. Чаманский». Несомненно, свою важную положительную роль имел пример августейших особ, которые строго придерживались существующих правил и сестринских традиций.

После окончания курса сестринского обучения для августейших сестер милосердия началось трудное время, когда с раннего утра до поздней ночи не прекращалась их деятельность. Вставали рано. В 9 часов утра Императрица с великими княжнами каждый день заезжали в церковь Знамения для получения благословения у древней святыни Царского Села иконы Божией матери Знамение⁵⁰. Этот чудотворный образ помогал августейшим сестрам в их трудах. Из церкви они ехали на работу в лазарет. Оставшуюся часть дня императрица посвящала осмотру других лазаретов Царского Села.

Сестринские будни царственных особ были наполнены самой разной деятельностью. И. Степанов в воспоминаниях писал: *«„Лазарет ея Величества“ очень точно и подробно дает распорядок дня Августейших Сестер милосердия: День в лазарете начинался в семь часов утра. Мерили температуру, затем мылись, приводили в порядок постель и ночные столики, пили чай. В восемь часов палаты обходила старший врач княжна Гедройц. Ровно в девять часов слышался глухой протяжный гудок царского автомобиля. Вильчковский встречал рапортом. Весь персонал выстраивался в коридоре. Женщины, прикладываясь к руке, делали глубокий реверанс. На этом кончалась официальная часть. Императрица давала понять, что каждый должен заниматься своим делом и не обращать на нее внимания. Она быстро обходила палаты с Ольгой и Татьяной, давая руку каждому раненому, после чего шла в операционную, где работала непрерывно до одиннадцати часов. Начинался вторичный длительный обход раненых. На этот раз она подолгу разговаривала с каждым, присаживаясь иногда. В начале первого она уезжала во Дворец»⁵¹.*

12

Такой размеренный ритм госпитальной жизни присутствовал в относительно спокойный промежуток военного времени. Когда же прибывали санитарные поезда, то наступало горячее время; императрица и великие княжны делали перевязки, ни на минуту не присаживаясь, с 9 часов иногда до 3 часов дня. Здесь им пришлось столкнуться с самыми горькими сторонами человеческих болей, несчастий, испытаний. А. А. Вырубова так описала эту тяжелейшую сторону повседневной работы императрицы в качестве операционной сестры: *«Я видела Императрицу России в операционной госпиталя: то она держала вату с эфиром, то подавала стерильные инструменты хирургу, помогая при самых сложных операциях, принимая из рук работающего хирурга ампутированные руки и ноги, убирая окровавленную и порою зашивевшую одежду, переносила все зрелища, запаха и агонии*

⁵⁰ Степанов И. Указ соч. С. 52.

⁵¹ Там же. С. 48.

этого самого страшного места — военного госпиталя в разгаре войны»⁵². Вырубова не раз возвращалась в своих воспоминаниях к этому совместно с ними пережитому суровому военному времени: «Помню, что тогда мы были единственными сестрами милосердия, которых обучали медицинскому делу. Приходили в госпиталь сразу же после Литургии к 9 утра и шли прямо в приемный покой, где лежали раненые, поступившие после оказания им первой помощи в окопах и полевых госпиталях. Их привозили издалека, всегда ужасно грязных и окровавленных, страдающих. Мы обрабатывали руки антисептиками и принимались мыть, чистить, перевязывать эти искалеченные тела, обезображенные лица, ослепшие глаза — все неопишущие увечья, которые на цивилизованном языке называются войной»⁵³.

Из сохранившихся свидетельств видно, что одно только присутствие государыни императрицы рядом с ранеными утешало и лечило их души. И сразу вспоминаются строки из воспоминаний воспитанника Императорского училища правоведения раненого И. В. Степанова, в то время молодого солдата-добровольца, проходившего в этом лазарете лечение: «Персонал замечательно заботился о нас. Мы были ранеными первого „медового месяца“ войны, и с нами носились, как с самой занимательной новинкой. Цветы, сладости приносились и присылались знакомыми и незнакомыми. Дисциплину держала старший врач княжна Гедройц. Говорила резко, но была внимательна и сердечна. Она слыла человеком хотя и резким, но прямым и правдивым... Меня, раненого в ногу выше колена, сняли с курьерского поезда „Киев—Петроград“ в Царском Селе 30 августа. Меня вносят на перевязочную. Поражает необыкновенная чистота. Женщины в белых косынках. Тишина. Восемь дней, как не перевязывали. Задыхаюсь от тяжелого запаха собственного гноя. Рубашки не меняли две недели. Стыдно. Пожилая женщина в вязанном цепце с красным крестом осторожно режет бинты. Рядом стоит высокая женщина и так ласково улыбается. Вот она сама промывает рану. Напротив две молодые сестрицы смотрят с любопытством на гряз-

ные кровавые отверстия моей раны ... Где я видел эти лица? Меня охватывает сильнейшее волнение ... Неужели они? Императрица... Ольга ... Татьяна... Старший врач наклоняется и тихо шепчет мне на ухо: „Сейчас выну тампон. Будет больно. Сдержитесь как-нибудь“... Мгновенно вспоминаю невероятную боль в дивизионном госпитале, когда вставляли этот самый тампон. Как сдержаться? В дороге я так ослаб. Но надо, надо, во что бы то ни стало ... Закусываю губу изнутри. Сжимаю края стола... Ловким движением тампон вырван... Сдержался... Только слезы брызнули. Императрица смотрит в глаза, нагибается... и целует в лоб, я счастлив»⁵⁴.

Раненые в госпиталях звали императрицу «матушка-царица», за ее постоянную любовь, за то, что она неустанно служила им как родная сестра — сестра милосердия. «Во время тяжелых операций раненые умоляли Государыню быть около. Вижу ее, — пишет А. А. Вырубова, — как она утешает и ободряет их, кладет руку на голову и подчас молится с ними. Императрицу боготворили, ожидали ее прихода, старались дотронуться до ее серого сестринского платья; умирающие просили ее посидеть возле кровати, поддержать им руку или голову, и она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами... Случалось, хирург сообщал несчастному солдату о предстоящей ампутации или об операции, которая может окончиться фатально; солдат поворачивался и кричал с мукой в голосе: „Царица! Постой рядышком, поддержи меня за руку, чтобы я смелее был“. Кто бы это ни был — офицер или молодой солдат — крестьянин, она всегда спешила на зов. Положив раненому руку под голову, она говорила ему слова утешения и ободрения, молилась с ним, пока готовились к операции, ее милосердные руки помогали при анестезии»⁵⁵.

Императрица день за днем обретала действенное умение ободрять раненых. Это умение ободрить и утешить помогало не одному раненому благополучно пережить мучительные моменты перед оперативными вмешательствами. Умирающие солдаты благодаря ее присутствию отходили в мир иной более умиротворенными и успокоенными. Баронесса С. Буксгевден писала: «Самый

⁵² Монахиня Нектария (Нея). Указ. соч. С. 104.

⁵³ Там же. С. 103–104.

⁵⁴ Степанов И. Указ. соч. С. 46.

⁵⁵ Верная Богу, Царю и Отечеству. С. 75–77, 104.

простой человек в ее госпитале мог позвать царицу и увидеть ее возле своей постели. Это было для раненых большим физическим и моральным утешением»⁵⁶. Раненный солдат так описывал эту удивительную способность царицы утешать страдальцев: «Нога ныла, а тут еще неожиданно разболелось ухо. Гедройц была занята, и Императрица пришла сама делать вливание в ухо. Видя мое печальное и, вероятно, страдальческое лицо, она села на кровать и положила мне руку на лоб. Я смотрел ей в глаза, и странная мысль меня волновала. Как ужасно, что это Императрица, как я хотел бы сейчас сказать ей все свои горести так, как человеку. Найти у нее утешение. Она ведь такая заботливая...»⁵⁷.

Тонкая и чуткая натура, императрица Александра Федоровна глубоко сопереживала страданиям раненых воинов, особенно тем, кто, потеряв возможность к передвижению, не мог посещать церковные службы. Она на свои средства создала походную церковь, дававшую страждущим возможность быть в церковной обстановке, даже находясь на госпитальной койке.

В заботах о раненых Александра Федоровна соединила лазарет телефоном со своим покоями, и на дежурном лежала обязанность немедленно сообщать ей о всяком тревожном случае. Иногда императрица едва успевала прийти домой, как ей приходилось возвращаться назад к тяжелораненому пациенту. Нередко случалось, что среди ночи ее будили сообщением, что у раненого офицера или солдата поднялась температура. Она тотчас вставала и шла в лазарет, уже не отходя от койки больного до той поры, пока усилиями врачей тот не получал облегчения.

С. Я. Офросимова также вспоминала о том, что императрица «каждый вечер справлялась по телефону через дочерей или Вырубову о здоровье наиболее серьезных пациентов»⁵⁸.

Подобные ситуации не были редкостью. А. Е. Зарин утверждал, что таких случаев, в которых принимала участие императрица «не перечесать», далее он писал: «Один молодой солдат с ужасом сказал ей, что ему собираются отрезать ногу. Императрица приняла в нем участие и стараниями врачей, ее заботами и уходом,

нога была спасена. В ее заботах о больных и раненых нет никакой меры. Она может проявить всю свою энергию по поводу ничтожного, как кажется другим, случая. Но для нее нет ничтожного случая, раз они касаются больных и раненых воинов»⁵⁹.

Переписка царственных особ и воспоминания современников дают возможность реально увидеть, как ежедневно, сразу после перевязки раненых в своем госпитале, императрица Александра Федоровна с дочерьми регулярно старалась посещать многочисленные лазареты Царского Села, Петрограда и его пригородов. Обходя раненых, беседуя с ними, она благословляла их иконками. Причем в обязательном порядке, осматривая госпитальные палаты и операционные, она находила о чем беседовать не только с создателями госпиталей и лазаретов, но и с работающим в этих лечебных заведениях медицинским персоналом.

В первых числах января 1915 г. произошло крушение поезда, в котором пострадала близкий для семьи Романовых человек — фрейлина Анна Александровна Вырубова. Это событие получило свое отражение в дневниках великих княжон, каждая из которых по-своему отреагировала на сложившуюся ситуацию. Из дневника Татьяны Николаевны 2 января 1915 г.: «Было крушение поезда, и мы ждали Аню. Встретили ее на вокзале, она сильно разбита, и очень тяжелое состояние»⁶⁰. Из дневника Ольги Николаевны от 3 января 1915 г. (суббота): «Мама в „Знамение“ и в лазарет, Ане немного легче. Левая нога в бедре и голени сломана, скуловая и височная кости треснуты, глаз правый синий и все тело в кровоподтеках. Под наркозом наложили гипсовую повязку. Лежит в солдатском отделении»⁶¹. Несчастье, случившееся с Вырубовой, легло еще одним тяжким бременем на душу императрицы.

Молодым княжнам в стенах госпитального лазарета также пришлось пережить очень многое. Будучи юными, они видели тяжелые ранения, сам вид которых вызывал тягостные переживания у царевен. Письмо Татьяны Николаевны от 6 мая 1915 г. содержит такое свидетельство: «Сегодня перевязывала в лазарете этого

⁵⁶ Баронесса София Буксгевден. Указ. соч. С. 309.

⁵⁷ Степанов И. Указ соч. С. 51.

⁵⁸ Августейшие сестры милосердия М., 2006. С. 297.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Августейшие сестры милосердия. С. 68.

⁶¹ Там же.

В царскосельском госпитале

несчастливого солдата с отрезанным языком и ушами. Он молодой и очень хорошее лицо, Оренбургской губернии говорить он совсем не может и потому он написал, как все это с ним случилось. И мама просила это тебе послать. Мама ему сказала, что пошлет его записку к тебе, он был очень доволен. Княжна Гедройц надеется, что он будет со временем говорить, так как у него отрезана часть языка. Очень болит у него. Правое ухо сверху отрезано, а левое снизу. Так его, бедного жалко»⁶².

С. Н. Вельчковский писал: «Я убежден, что государыня сумела передать высокие душевные качества своим дочерям Ольге и Татьяне Николаевнам»⁶³. Тяжелые переживания военного времени еще более сблизили мать с дочерьми. Позиция матери состояла в том, чтобы не удалять своих дочерей от трудностей и горестей, но закалить их души в этих испытаниях.

Великая княжна Татьяна Николаевна отличалась неустанными трудами по уходу за больными.

А. А. Вырубова в своих воспоминаниях отметила эту ее особенность: «Она была неустойчива и делала свою работу со смирением, как все те, кто посвятил свою жизнь служению Богу. Семнадцатилетняя Татьяна была почти так же искусна и неустойчива, как и мать, и жаловалась только, если по молодости ее освобождали от наиболее тяжелых операций. Императрицу не оберегали от трудностей, да она и сама этого не позволяла»⁶⁴.

Далее А. А. Вырубова писала: «Люди обожали ее, ждали ее прихода, протягивали свои перевязанные руки, чтобы дотронуться до нее, когда она проходила, улыбались ей, когда она опускалась на колени у постели умирающего с прощальными словами молитвы и утешения»⁶⁵. Те, кто видел как трудится великая княжна отмечали ее ловкость и умение»⁶⁶. Фрейлина императрицы С. Я. Офросимова считала, что в лице Татьяны Николаевны был запечатлен идеальный образ сестры милосердия: «Если

⁶² Там же. С. 99.

⁶³ Скорбный ангел. С. 213.

⁶⁴ Монахиня Нектария (Нея). Указ. соч. С. 104.

⁶⁵ Там же. С. 104–105.

⁶⁶ Верная Богу, Царю и Отечеству... С. 75–77.

бы, будучи художницей, я захотела нарисовать портрет сестры милосердия, какой она представляется в моем идеале, мне бы нужно было только написать портрет Великой Княжны Татьяны Николаевны, мне даже не надо было бы писать его, а только указать на фотографию ее, висевшую всегда над моей постелью, и сказать: „Вот сестра милосердия“». На идеальном портрете, по мысли С.Я. Офросимовой, великая княжна Татьяна «стоит посреди палаты, залитой лучами солнца; они обливают ярким светом всю ее тонкую, высокую фигуру, золотыми бликами ложатся на ее белоснежную одежду. Ее головка, в белой, низко одетой на лоб косынке, снята в профиль; черты ее прекрасны, нежны и полны грусти, глаза слегка опущены, длинная тонкая рука лежит вдоль халата... это не портрет, нет... это живая сестра милосердия вошла в палату в яркий, весенний день... Она подошла к постели тяжелораненого... она видит, что он заснул первым живительным сном... она боится шевельнуться, чтобы его не потревожить... она замерла над ним счастливая, и успокоенная за него, и утомленная от бессонных ночей и страданий, ее окружающих»⁶⁷.

Великие княжны, Ольга и Татьяна — сестры милосердия Царско-сельской общины — за свои труды по уходу за больными и ранеными воинами в 1915 г. были отмечены наградами. Им были пожалованы знаки отличия Красного Креста 2-й степени, установленные 19 февраля 1878 г.⁶⁸ В 1916 г. последовала другая награда — знак отличия Красного Креста 1-й степени. Награду получили великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна и доктор медицины В. И. Гедройц⁶⁹. Княжна Гедройц также была удостоена в 1915 г. награды от

императрицы Александры Федоровны — подарком из Кабинета Его Императорского Величества — золотыми часами с государственным гербом Российской империи.

Говоря о трудах августейших сестер милосердия, нельзя пройти мимо деятельности медицинского персонала «Лазарета великих княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны» при Федоровском Государевом Соборе для раненых в Отечественную войну.

Великие княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, имея перед собой пример высокого служения раненым в лице своих близких — матери и старших сестер — стремились также вступить на эту профессиональную медицинскую стезю. Ввиду обстоятельств военного времени в Царском Селе, где жила тогда царская семья действовала достаточно большое число лазаретов военного времени. Среди этих лазаретов только находившийся в Царском селе имел сразу двух высших покровителей. Возглавил лазарет, размещенный в Федоровском городке, полковник Дмитрий Николаевич Ломан. Его трудами за короткий срок здесь было создано образцовое медицинское учреждение. И когда 9 сентября 1914 г. императрица одобрила устройство и штаты созданного лазарета, сразу же все

⁶⁷ Августейшие сестры милосердия... С. 290.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ВКК. 1916. № 4. С. 1153–1154.

документы были оформлены приказом дворцового коменданта. Полковник Ломан смог привлечь к финансированию лазарета крупных промышленников и финансистов. Лазарет был открыт 28 августа 1914 г. на средства С. П. Елисеева, который пожертвовал на его устройство 200 000 рублей. В 1915 г. купец С. П. Елисеев также оказывал лазарету финансовую помощь. В дальнейшем содержание учреждения взял на себя К. И. Ярославский (с июня 1916 по февраль 1917 г. он выделил 140 000 руб.). В 1914 г. полковник Д. Н. Ломан смог пригласить в этот лазарет одного из лучших поваров столицы.

Великие княжны Мария и Анастасия Николаевны во время развернувшихся военных событий не остались в стороне от важных дел помощи больным и раненым. Сохранилось следующее свидетельство С. Я. Офросимовой: «Две младшие: Мария и Анастасия Николаевны работали на раненых шитьем белья для солдат и их семей, приготовлением бинтов и корпии; они очень сокрушались, что, будучи слишком юны, не могли стать настоящими сестрами милосердия, как Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны». Но они все-таки смогли найти дело себе по силам. .

С 1914 г. в одном из зданий Федоровского городка был оборудован лазарет для нижних чинов, а в 1916 г. был создан второй лазарет для офицеров. В помещении трапезной была устроена церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, где находился пятиярусный дубовый иконостас с подлинными древними иконами. Древние росписи Ферапонтова монастыря послужили образцом для росписей этого храма художником Г. П. Пашковым.

Все члены семьи Романовых любили это место. По воскресениям императрица молилась в Федоровском соборе, где для нее была специально создана молельня. Александра Федоровна любила также бывать на богослужении в нижнем — пещерном — храме собора, освященном во имя преподобного Серафима Саровского.

В апреле 1915 г. в лазарете находилось 30 раненых офицеров и 180 нижних чинов. Для раненых полковник Д. Н. Ломан устраивал концерты и литературные вечера. Журнал «Вестник Красного Креста» за 1915 г. сохранил крат-

кие сведения об одном из этих концертов: «В Царском Селе в лазарете Их Императорских Высочеств Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны при Федоровском Государевом соборе был устроен для раненых воинов концерт, в котором любезно приняли участие артисты императорских театров П. К. Де-Лазари и А. П. Макаров, сыгравшие дуэт на гитарах, А. П. Коломейцева-Днепровская, пропевшая ряд малороссийских песен, артистка Императорских театров Н. В. Ростова, прочитавшая ряд своих рязанских частушек, хор гусяров под управлением Н. Н. Голосова, исполнивший несколько музыкальных вещей, М. И. Нелидова, спевшая русские песни под аккомпанемент гуслей, и артистка Императорских театров В. К. Устругова, рассказавшая свои сказки, былины. На концерте присутствовали Августейшие сестры милосердия Их Императорские Высочества Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, Августейшие Хозяйки лазарета Их Императорские Высочества Великие Княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, а также медицинский персонал и сестры лазарета. Концерт доставил раненым громадное удовольствие, за что они от души искренне и тепло благодарили участвовавших в концерте»⁷⁰.

⁷⁰ Концерт в лазарете при Федоровском государевом соборе в Царском Селе // ВКК. 1915. № 6. С. 2441.

Из известных людей здесь выступал поэт С. А. Есенин, поскольку он служил санитаром в Царскосельском полевом военно-санитарном поезде № 148, причисленном к Царскосельскому лазарету Федоровского городка.

В день именин вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великой княжны Марии Николаевны в лазарете № 17 Федоровского городка был дан концерт для раненых, организованный Д. П. Ломаном. В этот день Есенин прочитал свое стихотворение «Послание царевнам»

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах,
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.
Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть....
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.
Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу...

22 июля 1916 г. День святой Марии Магдалины
За это стихотворение С.А. Есенин был награжден золотыми часами с царским гербом. Через семь лет он в своей «Автобиографии» написал: «По просьбе Ломана, однажды читал стихи Императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылаясь на бедность, климат и прочее...»⁷¹.

Младшие дочери и императрица Александра Федоровна приходили в лазарет практически каждый день для оказания помощи выздоравливающим. Будучи очень доброжелательными и открытыми для общения с ранеными, великие княжны Мария и Анастасия беседовали с ними, играли в различные игры, собирали цветы. Нередко их сопровождал цесаревич Алексей. Царские дети дарили раненым образки и небольшие самодельные подарки. Одно их присутствие приносило раненым радость, вызывало ответный благодарный отклик в их сердцах.

Так, в день именин царевны Анастасии ей было преподнесено следующее стихотворение:

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.
Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях.
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.
И мы уносим к новой сече
Восторгов полные сердца, .
Припоминая наши встречи
Средь Царскосельского дворца.

Автором этого стихотворения был поэт Н. Гумилев. К этому времени Н. Гумилев — прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка — был уже кавалером двух Георгиевских крестов. А пятнадцать выздоравливающих офицеров, поставивших под стихотворением свои подписи, полностью разделяли чувства поэта. Сам же Н. Гумилев проходил лечение в Царскосельском Дворцовом лазарете в связи с болезнью.

Не следует думать, что августейших особ не касались все привычные в этом деле трудности. Им приходилось выдерживать многое: терпеть, проявлять смирение, особый такт в отношениях с другими людьми. И. В. Степанов отмечал эту сторону их сестринской жизни: «В перевязочной работала императрица Александра Федоровна как рядовая помощница. В этой обстановке княжна Гедройц была старшей. Вобщей тишине слышались лишь отрывчатые требования: „ножницы“, „марлю“, „ланцет“ и т. д. с еле слышным прибавлением „Ваше Величество“. Императрица любила свою работу. Гедройц уверяла, что у нее определенные способности к хирургии. По собственному опыту знаю, что Ее перевязки держались дольше и крепче других»⁷².

А. А. Вырубова видела эти отношения «императрицы и подданной», «хирурга и подчиненной сестры»: «Не мне судить Государыню, не мне оценивать или критиковать ее действия, но все же, чтобы показать, насколько Ее Величество была чужда гордости или заносчивости и насколько она хотела быть в лазарете простой сестрой милосердия, я при-

⁷¹ Есенин Сергей. «Приветствует мой стих молодых царевен...» // Скорбный ангел. Царица-мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. Изд. 2-е исп. и доп. М., 2010. С. 354.

⁷² Степанов И. Указ. соч. С. 49.

веду следующий пример, меня немало возмущавший. Ее Величество держала себя в операционной дворцового госпиталя слишком просто; доктор лазарета княжна Гедройц, вполне обнаружившая себя с первых же дней революции, держала себя почти вызывающе начальническим образом. Между операциями или сложными перевязками княжна Гедройц сидя обращалась к Императрице: „передайте мне папиросы,... дайте мне спички“, — и Ее Величество покорно все исполняла. Это я знаю от лиц, работавших в операционной»⁷³. В годы своей юности Гедройц была близка к революционному движению, потом отошла от революционеров, но в годы Февральской революции опять вернулась к революционным настроениям. Происходящее, очевидно, не было до конца понятно ей самой. Ведь она оставила проникновенные свидетельства о самоотверженных трудах августейших сестер милосердия.

Образцовое сестринское служение, пример которого явили августейшие особы, был облечен ею в стихотворную форму:

В. И. Гедройц

Квадрат холодный и печальный
Среди раскинутых аллей.
Куда восток и север дальний
Слал с поля битв „куски людей“.
Где крики, стоны и проклятья
Наркоз спокойный прекращал,
И непонятные заклатья
Сестёр улыбкой освещал.
Мельканье фонарей неясных,
Борьба любви и духов тьмы.
Где трёх сестёр, сестёр прекрасных
Всегда привыкли видеть мы.
Молчат таинственные своды,
Внутри, как прежде, стон и кровь,
Но выжгли огненные годы —
Любовь⁷⁴.

Труды доктора медицины княжны В. И. Гедройц «Царскосельского дворцового лазарета» всегда вознаграждались. Так, она была награждена Главным управлением РОКК серебряной медалью «За усердие» на Владимирской ленте. (14 ноября 1914 г.)

Императрица постоянно посещала и другие больницы в Царском Селе и примерно раз в неделю ездила с осмотром больничных учреждений в Петрограда⁷⁵. Кроме того, она объезжала некоторые города России с целью посещения местных лазаретов. Она хотела лично проверить состояние дел в госпиталях и выказать свое участие как можно большему числу раненых.

В форме сестры милосердия со старшими великими княжнами императрица посетила Лугу, Псков, где работала великая княжна Мария Павловна (младшая), Вильно, Ковно и Гродно. Государыня верила в действительную пользу своих посещений местных лазаретов, и это поддерживало ее во время этих инспекционных поездок. Некоторые считали, что поскольку императрица в поездках, с целью осмотров госпиталей была без традиционного облачения, то пропадал весь эффект императорского визита. Но следует отметить, что во время войны царские особы в одежде сестер милосердия воспринимались простым народом с одобрением и пониманием.

Из письма Александры Федоровны императору Николаю II от 23 ноября 1914 г.: «В Вильну прибыли в 10.15 — на станции губернатор,

⁷³ Скорбный ангел. С. 218.

⁷⁴ Гедройц В. И. Госпиталь // Скорбный ангел. Царица-мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. Изд. 2-е исп. и доп. М., 2010. С. 626.

⁷⁵ Баронесса София Буксгевден. Указ. соч. С. 309.

представители Военного ведомства, а также Красного Креста. Я увидела два санитарных поезда, а потому тут же обошла все вагоны, очень благоустроенные и предназначенные для нижних чинов — среди них несколько тяжело раненых, но все бодрые. Их привезли сюда прямо с поля сражения. Заглянула в питательный пункт и амбулаторию. — Оттуда в закрытых автомобилях (...) мы проехали в Собор. Затем в польский двор. Лазарет. Огромная зала с кроватями; на сцене размещены наиболее тяжело раненые, а сверху на галерее офицеры — масса воздуха и очень чисто (...). Я везде раздавала иконки, девочки тоже. Потом мы проехали в госпиталь Красного Креста в женской гимназии, где тоже — масса раненых»⁷⁶. Посещение Ковно в другом письме она описала так: «Спешно в автомобилях в Собор — лестницы были покрыты коврами, снаружи выставлены деревья в кадках. Собор залит весь электрическим светом. Епископ встретил нас пространном словом. После краткого молебна мы приложились к чудотворному Образу Богородицы. Он поднес мне образ Св. Петра и Павла, по которым назван самый храм, — он трогательно говорил о нас: „сестры милосердия“, а также дал твоей женишке новое имя — „Мать милосердия“ — далее отправились в Красный Крест простыми сестрами, в небесно-голубых платьях»⁷⁷. Императрица Александра Федоровна чувствовала моральное удовлетворение от того, что оказывала реальную помощь раненым, и эта работа позволяла ей забыть о собственных печалях и тревогах.

На Рождество Царица с Царевнами устраивала в лазаретах елку, награждая раненых подарками. На Пасху каждого одаривала красным яйцом и подарком. Покидая лазарет, уходящий раненый также получал небольшой подарок от самой императрицы.

Когда солдат или офицер уходил из Царскосельского лазарета, то уносил в своем сердце замечательный образ Царицы. Воины всегда помнили о том свете любви, который постоянно озарял их походную жизнь. И солдат и офицер всегда запоминали теплое участие Царицы при уходе за ними, это согревало их души. Царица

действительно явилась для воинов, и материю, и сестрой, и утешительницей и благодетельницей. Она же старалась помнить и о тех, кто ушел в мир иной. Об этом сохранились воспоминания очевидцев: «Однажды в Царском Селе на Братском кладбище хоронили скончавшегося в одном из царскосельских лазаретов офицера. Один из наших друзей-офицеров поехал на вечернюю панихиду и рассказывал нам впоследствии, как глубоко он был потрясен всем виденным. Служба еще не начиналась, но публики в церкви собралось много. И в маленькой церкви стало так душно, что он вышел на улицу. Темнело, и в сумраке весеннего дня кое-где белели кресты могил. Вдруг у ограды кладбища остановился автомобиль, из которого вышла дама, вся в черном и вошла в ограду. Остановилась у первой же могилы, осеняя себя крестным знамением. Офицер отошел из скромности возможно дальше и ожидал, что дама сейчас уедет или пройдет в церковь. Но велико было его удивление, когда она, отойдя от одной могилы, пошла дальше, и, остановившись с молитвой перед следующей, обошла все кладбище, молясь перед каждым крестом. Когда она дошла до офицера, он узнал в ней государыню императрицу, которая одна ночью молилась за души погибших своих подданных»⁷⁸.

Сохранились сведения о пребывании императрицы Александры Федоровны в Москве. 2 декабря 1915 г. она посетила Москву вместе с великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной. Поначалу они отправились в Марфо-Мариинскую обитель, а после обедни в Успенском Соборе Московского Кремля проследовали в «Лазарет всех монастырей Московской епархии», оборудованный в Романовской больнице, состоящей при Покровской общине. Здесь они обошли всех раненых, беседовали с ними, раздавали образки и выслушали краткое молебенствие в церкви, за которым пели монахини общины⁷⁹.

Не следует забывать, что императрица не забывала посетить и лазареты в далекой провинции. К апрелю 1915 г. под покровительством императрицы и ее детей состояло 39 лазаретов, в которых находилось на излечении около 250 офицеров и 1670 нижних чинов⁸⁰.

⁷⁶ Августейшие сестры милосердия. С. 57.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Мельник Т. «Она была врожденной сестрой милосердия» // Скорбный ангел. М., 2010. С. 182.

⁷⁹ Пребывание императрицы Александры Федоровны в Москве // ВКК. 1915. № 1. С. 140.

⁸⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 96. Л. 60–64.

14 октября 1915 г. утром государыня с дочерьми прибыла в город Великие Луки Псковской губ. Встреченные на вокзале Псковским губернатором, камергером бароном Медемом, они проследовали в Воскресенский собор. Прослушав молебен, посетили полевые запасные лазареты: №28 — в здании женской гимназии и №402 — в реальном училище. Далее высокие гости посетили Великолуцкую общину сестер милосердия Красного Креста. Воспитанники и воспитанницы учебных заведений и местное население приветствовали царицу с дочерьми. В церкви было совершено молебен⁸¹. В тяжелое военное время царская семья часто посещала богослужения, молебны на благое дело, и панихиды по погибшим и крестные ходы для дарования победы.

Императрица Александра Федоровна регулярно писала мужу о своей работе в Царскосельском дворцовом лазарете, о перевязках, которые делала, о состоянии своих подопечных раненых, о смерти тех, к кому она успела привязаться и кого успела полюбить. В письмах и дневнике проскальзывают горестные ноты от ежедневных переживаний, которых никто из раненых и других сестер милосердия, не видели. В книге баронессы Софии Буксгевден приведены слова императрицы Александры Федоровны: *«Кому-то моя работа здесь может показаться не такой уж необходимой, но она позволяет мне гораздо лучше присматривать за моим госпиталем. А помощь здесь очень нужна и в цене каждая пара рук. К тому же эта работа оказывает на меня самое благотворное влияние, уводя мои мысли от собственных переживаний»*⁸². Только изредка в письмах императрицы проскальзывало чувство усталости, казалось, что силы ее на исходе и она не может дождаться окончания войны. *«Сегодня утром я в своих дрожках поехала с Алексеем в наш лазарет, — писала она в одном из писем, — мы оставались там более 2 часов, разговаривала с ранеными, сидела в лазарете с рукодельем, а затем в саду, пока другие играли в крокет. Мое сердце было плохо и сильно болело, — вероятно, я слишком рано начала выезжать, но я была так счастлива повидать их всех... Я иногда мечтаю заснуть*

*и проснуться, только когда все кончится и водворится повсюду мир — внешний и внутренний»*⁸³.

Император Николай II всегда сочувственно относился к тем лечебным учреждениям, которые занимались делом реабилитации раненых и больных воинов. Накануне своего посещения Севастополя — 30 января 1915 г. — император побывал в «Романовском институте физических методов лечения», который был открыт Севастопольским Городским общественным управлением в мае 1914 г. Государь обошел все помещения института, оборудованного по последнему слову науки. Объяснения ему давали директор института профессор Щербак и городской голова. В одном из залов института император беседовал с ранеными офицерами, лечившимися здесь; в память своего посещения он начертал свое имя на особом листе⁸⁴. Император Николай II регулярно посещал раненых в лазаретах Царского Села. Так, в начале января 1915 г. император вместе с дочерьми, великими княжнами Марией Николаевной и Анастасией Николаевной посетил раненых воинов, находящихся на излечении в Царскосельском дворцовом госпитале⁸⁵.

Опекая в годы войны множество лечебных заведений, императрица все же с особым чувством относилась к тому лазарету, где она прошла подлинную школу сестры милосердия. Любя свой лазарет, императрица Александра Федоровна часто посещала его вместе со своими старшими дочерьми. Они дружили с ранеными, находившимися в лазарете, а также со всем медицинским персоналом. С 10 августа 1916 г. это лечебное заведение стало называться «Собственный Ее Величества лазарет № 2».

Императрица Александра Федоровна вместе со своими дочерьми действительно стали образцом для всех сестер милосердия, трудившихся в то время и на театре военных действий, и в госпиталях в тылу. Этот образ сестры милосердия так представил в своем стихотворении известный поэт, князь Владимир Палей:

Сестры милосердия, ангелы земные
Добрые и кроткие, грустные немного,
Вы, бальзам пролившие на сердца больные. .
Вы, подруги светлые, данные от Бога.

⁸¹ Путешествие Государыни императрицы Александры Федоровны // ВКК. 1915. № 9. С. 39–68.

⁸² Баронесса София Буксгевден. Указ. соч. С. 308–309.

⁸³ Августейшие сестры милосердия. С. 112.

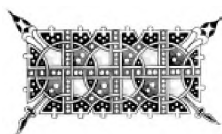
⁸⁴ Государь Император в Севастополе // ВКК. 1915. № 2. С. 503.

⁸⁵ ВКК. 1915. № 6. С. 2214.

Вам благословение сестры душ усталых,
Розаны расцветшие там, на поле битвы
И в крестов сиянии, ярко-ярко алых,
Тихо принимавшие раненых молитвы⁸⁶.

Современники, болеющие за судьбу России, не могли не заметить того духовного подвига, который явила царская семья в годы войны своим бескорыстным служением ближним: *«Пройдут тяжелые годы кровавого спора; минуют нас*

беды кончится война... Все, что совершается сейчас, станет достоянием истории и в летописях Второй Отечественной войны одними из ярких страниц будут страницы, посвященные деятельности нашей Царицы и Ея Августейших дочерей на помощь и утешение наших воинов. И чем глубже в даль будет уходить эта эпоха, тем ярче будет блистать светлый образ царицы в ореоле любви милосердия и сострадания»⁸⁷.

⁸⁶ Князь Владимир Палей. Поэзия. Проза. Дневники. М., 1996.

⁸⁷ Зарин А.Е. Указ. соч. С. 32.